

О чем эта книга и как она устроена

Со времен Александра II вплоть до падения самодержавия доля крестьян в населении Санкт-Петербурга росла непрерывно. Между первой городской переписью населения в 1869 году и последней, предреволюционной, в 1910 население столицы Российской империи увеличилось в 2,9 раза (больше, чем в Москве, Берлине, Париже, Лондоне). А крестьянское население Петербурга росло еще в два раза быстрее — в 6,1 раза.

В 1869 году крестьяне составляли 31,1 % населения русской столицы, в 1881 — 42,0 %, в 1890 — 52,6 %, в 1897 — 59,1 %, в 1900 — 63,3 %, в 1910 — 68,7 %. К началу XX века они решительно преобладали во всех частях и участках города и пригородах. Рост населения Петербурга обеспечивался прежде всего все возрастающим потоком крестьян-отходников, в народе их называли «питерщиками»*. Согласно переписи 1910 года, в городе родился 41 % проживавших в нем дворян, 57 % мещан и только 24 % крестьян (в 1900 — 22 %).

Таблица 1. Крестьяне в Петербурге, 1869–1910 (тыс. чел.)**

Крестьяне	1869	1881	1890	1897	1900	1910
Мужчины	150,9	239,0 ^{158*}	304,8 ¹²⁸	454,0	544,5 ¹⁷⁹	723,7 ¹³³
% от мужского населения Петербурга	40,0	46,7	59,4	65,4	68,9	72,6
Женщины	64,2	150,9 ²³⁵	196,9 ¹³⁰	295,8	364,3 ¹⁸⁵	586,8 ¹⁶¹

* «ПИТЕРЩИК (простореч. устар.) — бывалый человек, бывавший и промышлявший в Петербурге (Питере). Филипп Корчагин — питерщик, По мастерству печник. Некрасов» (Толковый словарь русского языка Ушакова).

** Таблицы в этой книге подготовлены автором на основании переписей и других источников (их список см. на с. 312), за исключением отдельных таблиц, информация об источниках которых указана в соответствующих подписях к таблицам.

% от женского населения Петербурга	22,1	36,2	44,6	51,7	56,1	64,6
Всего	215,1	389,9 ¹⁸¹	501,7 ¹²⁹	749,9	908,9 ¹⁸¹	1310,5 ¹⁴⁴
% от всего населения Петербурга	31,1	42,0	52,6	59,1	63,3	68,7

* Надстрочные цифры — % крестьян/крестьянок по отношению к данным предыдущей переписи.

Контраст между городом и деревней в старой России огромен. Крестьянин проживал всю жизнь в окружении односельчан. Поездка в соседнюю деревню, на базар, в волость — события редкие и значительные. Опыт городской, тем более столичной жизни в этих условиях представлялся погружением в своеобразный антимир.

Горожанин живет в среде, где ему поневоле приходится тесно соприкасаться с людьми иного социума, имущественного положения, культурного уровня, обыкновений, сельский житель — среди своих. Петербург, как правило, первый значительный населенный пункт в жизни питерщика. Все внове: конка, трамвай, ананас в витрине Елисеевского, многоэтажные дома, электрическое освещение, множество незнакомых людей, одежда, водопровод... Добродетельный семьянин делит кров или соседствует на рабочем месте с холостяком-кутилой, законопослушный гражданин — с вором и хулиганом, безбожник — с богобоязненным, пьяница — с трезвенником. Столичная специфика — ролевой стресс.

«В родной деревне я всех знал в лицо, — вспоминал приехавший мальчиком из Витебской губернии в столицу к отцу, чернорабочему Путиловского завода, А. Буйко, — а в столице только незнакомые равнодушные лица людей. Не с кем заговорить, каждый живет своим делом, спешит куда-то. В этой человеческой гуще мне, деревенскому пареньку, было нередко страшно»¹.

Социальный контроль ослабевает. То, что прежде казалось недопустимым, в столице терпимо, желательно или даже обязательно. Пьянство, гармоника, сифилис, трактир, молодуха, бастрюки. Царство, как говорится, желтого дьявола. Мужик теряет чувство деревенского «мира», не становясь при этом петербуржцем.

Крестьянство чуждо и враждебно городской культуре. Как писал Максим Горький: «Основным препятствием на пути России к европеизации и культуре является факт подавляющего преобладания безграмотной деревни над городом, зоологический индивидуализм крестьянства и полное отсутствие в нем социальных эмоций»². Корни кровавой революции 1917 года надо искать и в этом переполнении столицы диковатыми чужаками.

Впрочем, вплоть до начала Первой мировой войны худо ли бедно ли существовали механизмы адаптации крестьян к столичной жизни. Государство обеспечивало полицейский контроль: с пьяным разгулом,

хулиганством, бродяжничеством, «самостроем», как могли, боролись. Городская дума организовала и финансировала систему народного образования, благодаря которой почти все крестьянские дети, оказавшиеся в Петербурге, получали начальное (по преимуществу четырехлетнее) образование. Социальные контрасты смягчала общественная и церковная благотворительность.

Но решающую роль играл механизм земляческой взаимоподдержки. Этот невидимый купол защищал и оберегал до поры до времени деревенского парня от одиночества, страховал от случайностей, давал профессию и превращал сначала в питерщика, а потом, порою, и в петербуржца. Односельчане помогали найти работу или сами становились работодателями. На промыслах в Петербурге, по наблюдениям современника, «... всегда рука руку моет — и в трактире, где если один романовец, то уже и все романовцы, в колбасной лавке хозяин из Углича, то и повар его, и приказчики, и мальчишки углицкие»³.

Важным стимулом социализации в столице становилась потенциальная возможность выбиться в предприниматели — именно землячество обеспечивало связями и первоначальным капиталом тех, кто собирался основать собственное дело в столице.

Меньшее значение земляческие связи имели в пролетарской среде. Но и здесь от них зависели первые — удачные или неудачные — этапы служебной карьеры: трудоустройство, получение квалификации, нахождение квартиры.

Земляческой солидарности среди русских крестьян в Петербурге, ее значению для деловой жизни города посвящена эта книга.

В первой части книги «Питерщики» (главы 1–7) я попытаюсь определить количественные и территориальные параметры крестьянской миграции: сколько крестьян-отходников отправлялось в Петербург? какие волости, уезды, губернии были ориентированы именно на столицу и почему? какие профессии преобладали среди отходников из разных регионов?

Выясняется: между районом отхода и профессиональной специализацией существует глубокая связь. Особенно это касается тех, кто уходит в Петербург, чтобы заниматься торговлей, трактирной промышленностью, ремеслами, строительством, сельским хозяйством (рыболовством и огородничеством). Большинство питерщиков нанимаются на работу к землякам, их товарищи по работе тоже земляки. Деревенский уклад как бы переносится в город. Земляческо-профессиональные объединения играют роль своеобразной промежуточной зоны между деревней и городом.

В этих главах подробно рассматриваются различные профессионально-земляческие группы: торговцы (по каждому виду торговли), ценовальники, строители (по разным группам строительных специальностей), портные, огородники, извозчики, сапожники, речники, крючники,

картузики, точильщики, пильщики, корзинщики, нищие. Я рассказываю о местах отхода, путях миграции, положении «мальчиков» (в дальнейшем в качестве термина употребляется без кавычек, используется для обозначения начальной должности в той или иной профессии, использование в указанном значении и в других в дальнейшем ясно из контекста) и взрослых работников: условиях труда, зарплате, продолжительности рабочего дня, половой и возрастной структуре отхода, связи с деревней. Отдельный сюжет — социальные лифты, возможность обеспечить себе пребывание в городе, сделать карьеру.

Вторая часть книги «Капитализм односельчан» (главы 8, 9, 10) посвящена крестьянскому капитализму в Петербурге, формированию особого типа крестьянско-купеческих предпринимателей, связанных между собой неформальными (земляческими, соседскими, семейными, дружескими, школьными) связями и новыми городскими институциями — приходской жизнью в православии, старообрядчестве и единоверии, благотворительностью, участием в сословных и профессиональных учреждениях, городском самоуправлении, официальных земляческих обществах. Как эта деревенская аристократия чувствовала себя среди arrogantной петербургской элиты?

Если в торгово-ремесленной среде земляческий фактор играл важнейшую роль в постепенном преобразовании крестьянина в столичного жителя и сохранял свое значение и для следующих поколений предпринимателей крестьянского происхождения, то для промышленных рабочих, тоже, как правило, питерщиков (им посвящена **третья часть — глава II**), роль земляческого фактора минимальна, что имело роковые социальные последствия.

Профессионально-земляческие сообщества недостаточно локализовать губерниями приписки. В этой работе я использую источники, позволяющие исследовать крестьянский отход в столицу детальнее и шире. Для этого понадобились отчеты земляческих обществ, позволяющие определить места отхода в Петербург крестьян-предпринимателей не только по губерниям, но и по уездам, волостям и даже отдельным деревням⁴. Отчеты впервые были проанализированы в нашей с Алексеем Хитровым работе⁵.

В начале XX века в Петербурге существовало множество официальных благотворительных обществ, построенных по земляческому принципу. Большинство из них было создано иностранцами (немцами, итальянцами, швейцарцами и т. д.).

Существовали и общества взаимопомощи уроженцев нескольких русских губерний: Олонецкой, Вологодской, Костромской, Рязанской, Владимирской, Тамбовской, Архангельской. А Ярославская губерния была представлена сразу тремя благотворительными организациями, объединявшими ярославцев в целом и специально уроженцев двух ее уездов — Угличского и Мышкинского.

Задача земляческой благотворительности — облегчить положение мигрантов в столице. Общества содержались на взносы своих членов (как правило, пожизненные члены платили при вступлении сто рублей, действительные — по три рубля в год, члены-корреспонденты — по рублю в год); отдельные пожертвования (иногда очень крупные) поступали также от специальных сборов (кружечный сбор, благотворительные спектакли и балы). Полученные средства капитализировались.

Расходы обществ состояли прежде всего из безвозмездных пособий землякам, оказавшимся в затруднительном положении в столице. Чаще всего это были небольшие пособия, иногда на железнодорожные билеты для возвращения в родную деревню. Арендовалась или покупалась недвижимость, чтобы содержать дешевые или бесплатные квартиры, приюты, богадельни, ясли, столовые.

Общества ежегодно выпускали печатные отчеты о своей деятельности, которые год от года сохраняли одинаковую структуру: очерк деятельности общества за прошедший год, баланс расходов и доходов, сведения о состоянии капитала общества и полный список членов.

Эти отчеты (как и сами общества) до сих пор не вызвали интереса историков. Между тем сопоставление списков членов общества с различными справочными изданиями (прежде всего «Всем Петербургом» и справочниками купеческой управы) позволяет выяснить региональный состав столичной национальной буржуазии, ее связи с чиновничеством и духовенством города и в конечном итоге получить важные выводы о значении земляческих связей в социальной мобильности русских крестьян.

Списки привилегированных — почетных и пожизненных — членов земляческих обществ определяют «капитанов» земляческого капитализма, не забывших малой родины. Земляческие связи продолжали использоваться для повышения формального и неформального статуса в столице, для обретения социального капитала.

Другие массовые источники, использованные для целей работы, — справочники, ежегодно выпускавшиеся столичной купеческой управой. Они дают возможность уточнить материалы отчетов земляческих обществ⁶. Справочники купеческой управы представляют собой алфавитные аннотированные списки лиц, выбравших в Петербурге торговые и промышленные свидетельства (получивших лицензию за деньги). Для нас особенно ценно, что обо всех крестьянах и мещанах, внесенных в списки, сообщаются сведения о приписке. До 1880 года в справочниках указывается только губерния, к которой приписаны торгующие в столице крестьяне и мещане, а с этого года еще и уезд, волость, населенный пункт приписки. Большинство занесенных в списки в конце концов приписывались к петербургскому купечеству. И тогда определение места их рождения вызывает трудности, приходится искать биографические справки на момент покупки промышленного свидетельства или их предков-первопоселенцев в Петербурге, ставших когда-то из крестьян купцами. Впрочем, в отно-

шении большого количества предпринимателей из крестьян эти данные уже найдены и собраны воедино М. Н. Барышниковым⁷.

Основными источниками для анализа крестьянской миграции (в количественном и социально-демографическом отношении) стали материалы городских переписей Петербурга 1869, 1881, 1890, 1900 и 1910 годов, а также Всеобщей переписи населения 1897 года⁸. В них нас интересовали прежде всего данные о крестьянах различных губерний, живших в Петербурге. К сожалению, результаты переписей за разные годы часто сложно сопоставить, так как они выполнены по разным методикам. Например, перепись 1869 года уникальна тем, что в ней, единственной из шести, давалось распределение крестьян-отходников различных губерний по специальностям, а перепись 1881 года содержит данные о распределении крестьян различных губерний по 38 участкам города. И это дает возможность проанализировать, как распределялись крестьяне различных губерний по частям и участкам Петербурга, по той же методике, что использовалась Натальей Юхнёвой по отношению к национальным меньшинствам⁹.

Переписи 1890, 1900 и 1910 годов однотипны: в них есть данные о численности крестьян каждой губернии, их грамотности и, чего нет в предыдущих переписях, времени поселения в столице. Результаты переписи 1910 года из-за революционных событий изданы менее подробно: группы занятий не детализированы, а объединены.

Первая всеобщая перепись населения России позволяет определить, сколько крестьян каждой губернии находилось вне ее и где именно: каково, скажем, относительное притяжение миграции к Петербургу или к Москве.

Главный недостаток городских переписей для наших целей — время их проведения, декабрь. Это отсекает множество крестьян-сезонников, возвращавшихся на родину зимой, — прежде всего строителей, огородников, речников.

Как уже говорилось, подавляющее большинство крестьян — мигранты в первом поколении. Чтобы понять, откуда они прибыли в столицу, я использую материалы земской статистики. Статистические отделы земских управ проводили подробнейшие переписи сельского населения, указывая большое количество параметров (промысловые занятия населения, количество земли на душу, наличие скота и, что важно для нас, количество отходников, специализация и направление отхода). Я использую материалы по тем уездам, которые давали наибольшее количество отходников в Петербург¹⁰. Не все губернии и уезды изучили одинаково тщательно. Наиболее подробные данные об отходниках, направлявшихся в Петербург, собрали ярославские статистики. Монографическое исследование заведующего оценочно-статистическим бюро Ярославского губернского земства Константина Воробьева предоставляет для каждой волости губернии полную статистику: сколько мужчин и женщин какой специальности (и какая их доля по отношению ко всем отходникам) отправлялось в отход в Петербург.

А письма десятков корреспондентов на местах в оценочно-статистическое бюро, систематизированные К. Воробьевым, позволяют узнать, в каком возрасте отправлялись в Петербург ярославцы, какие профессии они получали, каково приходилось в городе мальчикам — портным, торговцам, половым и т. д., как и когда мальчики становились взрослыми работниками, сколько получали, сколько часов в день работали, в каких условиях жили работники важнейших ярославских профессиональных землячеств.

Обширную информацию о жизни и условиях труда отходников дает подробное описание Петербурга, выполненное силами врачей петербургской полиции¹¹. По нескольким частям города (Спасской, Александроневской, Казанской) ими подробнейшим образом систематизированы условия труда торговцев, работников общественного питания и ремесленников, описаны лавки, трактиры, мастерские, приведены данные о зарботке, продолжительности рабочего дня, рационе, квартирных условиях.

Перепись строителей-костромичей летом 1901 года провел их земляк, видный сановник А. Куломзин¹². Это уникальный бытовой и статистический материал, так как строители, о чем я написал выше, практически не учитывались городскими переписями населения.

Интересное описание жизни крестьян — промышленных рабочих содержится в очерке двух переписчиков, работавших на городской переписи Петербурга 1900 года¹³.

Одним из главных источников книги стали очерки петербургских журналистов конца XIX — начала XX века, описавших современный им город с необычайной подробностью¹⁴. Очеркист Анатолий Бахтияров внимательнейшим образом следил за состоянием продовольственного рынка Петербурга и его работников, среди которых крестьяне-отходники преобладали¹⁵. Журналист и писатель Николай Животов одним из первых в истории мировой журналистики прибег к помощи включенного наблюдения — вживался на неделю в образ извозчика, полового, факельщика, нищего и подробно описывал свои приключения¹⁶. Множество бытовых деталей из жизни питерщиков содержат материалы «Петербургского листа» и «Петербургской газеты», комплекты которых просмотрены мной полностью с 1903 по 1914 год и выборочно с 1867 по 1903. Эти материалы используются ниже и частично опубликованы в трех научно-популярных книгах¹⁷.

Воспоминаний мигрантов и предпринимателей, происходящих из крестьянской среды, немного, это прежде всего мемуары Н. Лейкина¹⁸. Биография костромича колбасника Дмитрия Парфенова подробно пересказана с его слов в анонимной биографической брошюре¹⁹. Издано несколько мемуарных зарисовок простых торговцев и ремесленников²⁰.

Эта картина дополняется мемуарами петербуржцев (особенно написанными после революции), ностальгически восстановивших то, чего лишила их новая власть, — многообразие ремесленных мастерских, лавок, трактиров и ресторанов, рынков, сословных групп²¹.

В 2001 году возникло Ярославское историко-родословное общество, с 2006 года действует его сайт <http://www.yar-genealogy.ru/>, содержащий огромное количество сведений о ярославских (и не только) питерщиках. Там публикуются документы из московских, петербургских, ярославских, районных, семейных архивов, составляющие огромный, уникальный массив информации.

Важным фактором социализации крестьян в Петербурге являлась принадлежность к одному из старообрядческих толков: здесь главными, прежде не востребованными источниками стали отчеты петербургских старообрядческих общин — поморцев, поповцев, единоверцев²².

Крестьяне-мигранты в Петербурге разделялись на две категории: на тех, кто работал в «малом бизнесе», и на промышленных рабочих. Для первых принадлежность к профессионально-земляческим объединениям, как я покажу ниже, играла важнейшую роль — определяла успех или провал в столице. По-другому влияли земляческие связи на промышленных рабочих. Для определения ареала промышленного отхода использовались черные списки забастовщиков, которые велись Обществом фабрикантов и заводчиков, разнообразные источники из архивов предприятий и данные переписей населения о сравнительном распределении крестьян различных губерний между городом и промышленными пригородами. Подробное их описание содержится в двух моих работах²³.

Много лучше, чем с мемуарами ремесленников, обстоят дела с воспоминаниями промышленных рабочих с крестьянскими корнями. Впрочем, те из них, что опубликованы в советские годы, часто лишены бытовых деталей и заточены на демонстрацию участия мемуариста в классовой борьбе²⁴.

К архивным материалам в этой работе я прибегаю нечасто, главными все же были опубликованные массивы статистической информации.

Первым импульсом к написанию «Соседского капитализма» стала для автора монография Натальи Юхнёвой «Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга конца XIX — начала XX века». Она посвящена в основном национальным меньшинствам Петербурга. Но в этой книге проанализированы и факторы миграции крестьян-отходников различных губерний, их профессиональные пристрастия. Юхнёва ввела специальное понятие «миграционная активность» — сила притяжения крестьян, приписанных к разным губерниям, к Петербургу; широко использовала картограммы.

Еще одна важная работа появилась хронологически раньше работы Юхнёвой, но в России не была прочитана. Канадский географ Джеймс Бейтер выполнил образцовое исследование социальной истории Петербурга последних царствований²⁵. Как механизм города справлялся с экспоненциальным ростом населения?

Автором сделано множество неожиданных наблюдений, в частности: в Петербурге преобладала не горизонтальная (по районам), а вертикальная (по этажам) социальная сегрегация; из-за отвратительного состояния муниципального транспорта и владельцы, и работники предпочитали жить в пешеходной доступности от места работы; школьная система российской столицы с трудом, но тем не менее выполняла важную задачу — практически ликвидировала неграмотность среди детей мигрантов. Помимо городских переписей, Бейтер широко использовал адресные книги, прежде всего «Весь Петербург». Он анализировал, скажем, расстояния между местом жительства владельцев различных бизнесов и их местом работы, это позволило ему сопоставить развитие муниципального и частного транспорта Петербурга и других европейских столиц. Вывод: транспорт в Петербурге был развит плохо, именно поэтому работодатели старались жить там, где работали. Для нас это важно потому, что позволяет предположить тесную связанность места работы и места жительства для крестьянских земляческих групп, например, если извозчицьи дворы расположены в основном в Ямской, а большинство извозчиков калужане, то калужане тоже будут жить в основном в Ямской.

Американец Эвел Экономакис проанализировал церковные книги храмов Выборгской стороны и выяснил, насколько важны для рабочей среды земляческие связи при вступлении в брак²⁶.

Проблема крестьянского отхода в Петербург изучалась и до 1917 года²⁷, и после революции²⁸. Однако исследовался не «выход», а «вход». Не питерщики, а крестьяне, что отходили в столицу из различных губерний, описывались прежде всего с точки зрения экономики тамошнего сельского хозяйства. Этот подход характеризует, например, содержательную монографию костромского исследователя Ольги Смуровой²⁹ и статью Леонида Высокочкова³⁰, который рассказывает о существенном различии быта ярославских отхожих сел с остальной нечерноземной Россией.

Быт питерщиков разных профессий изучался неравномерно и сегментированно. Множество важных наблюдений над дореволюционным общепитом, его работниками и хозяевами (по преимуществу ярославскими мужиками) содержится в книге Юлии Демиденко³¹. В изданной к 300-летию города энциклопедии немало мини-энциклопедических статей о работниках других ремесел³². Петербургская национальная буржуазия исследовалась прежде всего Михаилом Барышниковым и учеными его школы³³.

Исследования механизмов социализации крестьян в Петербурге последних трех царствований стали материалом моей научно-популярной книги 2011 года³⁴.

Хотелось бы поблагодарить моих учителей — Якова Лурье, Владимира Пугачева, Арсения Рогинского. Спасибо ученикам — Алексею Хитрову и Владимиру Тарантаеву. Новым друзьям — ярославским краеведам из села Вятское и прежде всего Нине Мальцевой. И своему главному помощнику Римме Круповой.